

Туаева Б. В. Культурно-просветительская и благотворительная деятельность иммигрантских общин на Северном Кавказе (вторая половина XIX — начало XX века) / Б. В. Туаева, Е. И. Кобахидзе // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 482—495. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-482-495.

Tuaeva, B. V., Kobakhidze, E. I. (2020). Cultural, Educational and Charitable Activities of Immigrant Communities in North Caucasus (Second Half of XIX — Early XX Centuries). *Nauchnyi dialog*, 5: 482-495. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-482-495. (In Russ.).

УДК 94:325.14(470.6)“1866/1912”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-482-495

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИММИГРАНТСКИХ ОБЩИН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)¹

© Туаева Берта Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-9745-7776, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (Владикавказ, Россия), ms.amaga@mail.ru.

© Кобахидзе Елена Исааковна (2020), orcid.org/0000-0002-0535-6263, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (Владикавказ, Россия), elena_k11@mail.ru.

Статья посвящена вопросам формирования полиэтнической и поликультурной среды северокавказских городов и поселений во второй половине XIX — начале XX века, где значительное место отводилось этническим общинам мигрантов-европейцев. На примере жизнедеятельности немецкой, греческой, польской общин рассматриваются особенности развития и поддержки образовательных, просветительских, социальных и культурных инициатив. Авторами статьи выявлено, что все общественные инициативы и практики на Северном Кавказе соотносились с реформами и социокультурной политикой в целом в стране, а также служили примером результативности проводимых мероприятий по вовлечению региона в общероссийское пространство. Через добровольные негосударственные объединения поддерживались малоимущие слои населения, оказывалась адресная помощь нуждающимся. Доказано, что особой актуальностью в разноплановой деятельности обществ (благотворительные, этно-конфессиональные, культурно-образовательные, художественные, научные) отличались проекты просветительской направленности, которые способствовали распространению научных знаний, приобщению к европейской и русской культуре. Подчеркивается, что именно русский язык как государствообразующий, коммуникационный и прогрессивный фактор развития общества

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00239.

выступал интеграционным и адаптивным ресурсом в полиэтничном и поликонфессиональном Северо-Кавказском регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; этнические общины; добровольные негосударственные общества; благотворительность; социальное признание; русский язык; интеграционный ресурс; мигранты-европейцы.

1. Введение

В пореформенный период в Российской империи усиливаются экономические, миграционные, демографические, социокультурные процессы, связанные в том числе и с новым этапом урбанизации, появлением новых городов и развитием городской среды. В регионах эти процессы носят специфический характер, но в то же время укладываются в общероссийские рамки. Государствообразующими и интеграционными факторами в многонациональных регионах становятся русский язык и русская культура.

Северный Кавказ как полиэтничный и поликонфессиональный регион выступает своеобразным маркером проводимой политики встраивания культур разных этносов и общин в общероссийское социокультурное пространство. Коренные народы, мигранты и иммигранты были включены в процессы формирования единого пространства, внося свой вклад, этнокультурный колорит. Постепенно формируется слой передовой общестственности, национальной интеллигенции, происходит подъем гражданской активности, появляются новые формы культурной, экономической и общественно-политической коммуникации, растет потребность в научных знаниях и образовании. Неоценимую помощь в развитии социальной и культурной среды оказывали добровольные негосударственные объединения, которые свою деятельность рассматривали через призму просветительства, благотворительности и социальной поддержки. Немаловажная роль отводилась обществам этнической и профессиональной направленности. Их основывали представители разных народов, в том числе и из среды мигрантов-европейцев.

2. Мигранты-европейцы в формировании полиэтничной среды Северного Кавказа

Оживление миграционных потоков в направлении Северного Кавказа исследователи связывают с окончанием Кавказской войны и проведением буржуазных реформ второй половины XIX века [Кобахидзе, 2016, с. 45—57]. Прибывающие компактными группами и отдельными семьями мигранты переселялись как из центральных российских губерний, так и из Закавказья, ближнего и дальнего зарубежья.

Официальные данные за 1866 год фиксируют численность проживающих в регионе как местных, так и прибывших этнических групп, осевших в Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областях (табл. 1).

Таблица 1

Численность основных этносов Северного Кавказа (к 1866 году), составлено по: [Осетия..., 1998, с. 38—39]

Этносы	Ставропольская губерния	Кубанская область	Терская область
Русские	367 881	963 318	197 308
Немцы	1 358	10 142	4 265
Армяне	5 039	6 129	15 548
Грузины	47	*	8 017
Осетины	*	*	58 926
Кабардинцы	*	14 540	65 117
Чеченцы	*	*	15 139
Ингуши	*	*	44 365
Кумыки	*	*	23 015
Евреи	676	2 492	4 833

* — нет данных

Среди оседлого населения выделялись мигранты-европейцы, большая часть которых осваивала на Северном Кавказе городское или близлежащее к нему пространство. Так, в городе Владикавказе Терской области статистические данные отмечают наличие среди колонистов лютеран (немцев) в 1852 году — 27 чел., в 1897 году — 498 чел.; греков в 1897 году — 487, в 1914 году — 463; католиков (поляков) — в 1852 году — 154 чел., в 1897 году — 901 чел.; французов в 1910 году — 75 чел. [ПВПНРИ, 1904, с. 150—154; Канукова, 2002, с. 48—49].

За короткий период в Северо-Кавказском регионе возникли десятки иностранных, главным образом немецких поселений. В Ставропольской губернии переселенцами были заложены колонии Николаевская, Константиновская, Александровская, Орбелиановская, Форстендорф. Со смешанным населением, где проживали немцы, швейцарцы, итальянцы, были колонии Каррас и Св. Николая [Цориева, 2010, с. 217]. В Терской и Кубанской областях возникли колонии Вольдемфюрст, Александрфельд, Темнельгоф [Белозеров, 2005, с. 42].

Российским законодательством были закреплены льготы, права и обязанности для колонистов. Для вновь прибывающих из Германии им-

мигрантов в начале XIX века гарантировались «права и преимущества», в частности: «1. Свобода веры. 2. Свобода от платежа податей и от всяких повинностей на десять лет. 3. ... по истечении льготы повинны колонисты нести наравне с теми Российскими подданными, между которыми водворены будут, исключая постоев <...> 4. Свобода от воинской и гражданской службы» [Немцы..., 2012, с. 79—82].

Пользуясь льготами, колонисты осваивали новые районы, адаптируясь не только к климатическим, но и экономическим, социальным вызовам, при этом стараясь сохранить черты традиционного этнокультурного уклада.

Колонисты ходатайствовали перед официальными органами об отведении им земель под сельскохозяйственные колонии. Первым немецким поселением в Терской области стала Владикавказская немецкая колония. Состояла она из выходцев из Самарской, Саратовской и Нижегородской губерний. Численность населения росла, пополняясь не только за счет внутренней миграции, но и за счет иммигрантов. И если в 1876 году численность колонии составляла 251 чел., в 1882 году — 220 чел., то в 1899 году — 510 чел., 1911 году — 568 чел. [ЦГА РСО-А, д. 201, л. 1].

История процесса переселения немцев на Северный Кавказ свидетельствует об их стремлении обосноваться в этом регионе надолго. Не получившие разрешения поселиться в самом городе Ставрополе, осваивали прилегающие районы. Саратовские и самарские колонисты расселились в колониях Ставропольской губернии и Кубанской области [ГАСК, д. 5255], создавая мелкие и средние по своей численностью образцовые хутора (от 7 до 100 чел. или от 200 до 600 чел.) [ГАСК, д. 1246].

Формирование греческой общины на Кавказе началось с исхода этнических греков из Турции. После присоединения Грузии к Российской империи греки многочисленными группами нелегально прибывали в Грузию в поисках работы и новой жизни, а оттуда перебирались на север. Греческая община быстро росла, и к началу XX века во Владикавказе, например, уже включала представителей около 150 фамилий (потомки которых и сегодня проживают в Северной Осетии), среди которых Анастасевы, Василиади, Граматикопуло, Георгиади, Димитриади, Михайловы, Тепляковы, Чиплаковы, Панастовы, Какулиди, Попандопуло и др. [Канукова, 2009, с. 98].

В северокавказском регионе греки стремились поселиться преимущественно в моноэтнических греческих поселениях, что было отчасти связано с плантационным выращиванием табака. К 1903 году Кубанская область занимала первое место среди табаководческих районов России. Основная часть греков была занята в земледелии — 64,2 %, в торговле — 19,2 % (немцы — 0,9 %), в строительстве — 3,9 %. В начале XX века в Ставро-

польской губернии грекам принадлежало 49 торгово-промышленных предприятий, 84 % греков-предпринимателей занимались торговлей зерном: хлебные ссыпки составляли 77,7 % общего числа предприятий, принадлежащих грекам, а питейные заведения — 14,2 % [Белозеров, 2005, с. 47].

Заметной в социальной, военной и культурной сферах на Северном Кавказе была польская этническая группа. Помимо вновь прибывающих мигрантов, на Кавказе служили профессиональные военные поляки-офицеры. Так, в первой трети XIX века во Владикавказе зафиксирована большая группа поляков-офицеров Черниговского пехотного полка и Литовского пионерского батальона, осужденных к ссылке на Кавказ; среди них было немало членов польских обществ, примыкавших к декабристам, а также сосланных за участие в ноябрьском восстании 1831 года [Канукова, 2009, с. 175].

Хозяйственная колонизация Северного Кавказа иностранцами влекла за собой процессы их интеграции в другие сферы жизнедеятельности региона. Так, например, в числе поляков были не только военные, но и преподаватели гимназий, инженеры-путейцы, почтовые работники, чиновники губернских учреждений, врачи, священнослужители, купцы, ремесленники, рабочие [Канукова, 2009, с. 177—178]. Интенсивный механический и естественный прирост, активная социальная позиция членов польской общины привели к тому, что к 1916 году среди поляков была оформлена диаспорная структура. Сохранность основных признаков этнической самобытности, приверженность к католической религии и родному языку позволяли консолидироваться польскому населению региона.

3. Культурно-просветительские и благотворительные проекты в формировании социокультурного ландшафта

Осваивая новые районы для оседлого проживания, мигранты старались сохранить традиционные черты этнической культуры, но в то же время вынуждены были интегрироваться в социально-культурное, экономическое и общественно-политическое пространство региона и страны в целом. Сохранность национального языка, коммуникации, официальное делопроизводство и документооборот, как и консолидирующий статус русского языка как государственного, регламентировались законами империи. В 1897 году последовало решение Государственного Совета о преподавании на русском языке в колониальных школах, утвержденное Николаем [Немцы..., 2012, с. 125—126].

Однако спустя несколько лет, на волне революционных событий 1905—1907 годов и актуализации «национального вопроса» в империи, последовало решение Совета министров о преподавании на немецком языке в колониальных школах, утвержденное императором:

«Министр Народного Просвещения 9 апреля 1907 года донес Правительствующему Сенату для опубликования, что высочайше утвержденным в 23 день марта 1907 года положением Совета Министров постановлено:

I. Разрешить в немецких школах с курсом начальных училищ, устраиваемых в селениях бывших немецких колонистов Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Волынской губерний в области Войска Донского и содержимых на местные средства, преподавать все предметы начального обучения на немецком языке кроме русского языка, а также истории и географии, если последние преподаются как самостоятельные предметы с тем, чтобы означенным учебным заведениям не было предоставлено никаких прав.

II. Уполномочить Министра Народного Просвещения распространять означенную (отд. I) меру и на немецкие школы бывших колонистов в других местах в случае возбуждения ими о сем ходатайстве» [ПСЗРИ, 1910, с. 179].

Для сохранения и развития этнической культуры нерусского народа этот указ стал значимым.

Но политическое противостояние ведущих держав, вылившееся в Первую мировую войну, сказалось вскоре и на российских немцах, и на статусе немецкого языка. 18 августа 1916 года император утвердил Положение Совета Министров о запрещении преподавания на немецком языке «во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержимых евангелически-лютеранскими приходами <...> с изъятием из сего правила преподавания Закона Божия тем лицам евангелическо-лютеранского исповедания, для которых немецкий язык является природным, и собственно немецкого языка» [Немцы..., 2012, с. 136—137]. Таким образом, немецкий язык изгонялся из всех образовательных учреждений всех ступеней системы народного просвещения, и не только в столицах империи, но и в самых отдаленных ее уголках.

Возможность получения образования рассматривалась на Кавказе не только как интеграционный ресурс, но и как фактор встраивания в условия жизнедеятельности индустриального общества. Тяга населения к новым знаниям, науке, грамотности была масштабной, но возможности были разные. Статистические измерения и экспертные мнения подтверждают этот тезис. Согласно Отчету попечителя Кавказского учебного округа данные за 1908 год были обнаружены в материале «В какой мере удовлетворяются потребности различных национальностей Кавказа в образовании» [Отчет попечителя..., 1910, с. 386—388]. Отмечалось следующее: «Если сопоставить количество учащихся различных национальностей с количеством населения той или иной национальности, то окажется, что в наиболее благоприятных условиях находятся русские: учащиеся русские составляют 59,5 % всех уча-

щихся Кавказа, тогда как русское население составляет 32,6 % всего населения Кавказа. Количество учащихся грузин составляет 16,3 %, количество грузинского населения — 16 %. В таких же приблизительно условиях находятся народности <...> (греки, евреи, немцы, поляки): их обучается 6,6 %, а составляют они 6,1 % всего населения <...> В самых неблагоприятных условиях находятся татары и горцы; учеников татар на Кавказе 3,8 %, учеников горцев — 2,6 %; в то время как татары составляют 18,4 %, а горцы — 13,3 % всего населения Кавказа» [Отчет попечителя..., 1910, с. 386—388].

Своеобразие условий развития социальной и экономической среды, общественно-политическая ситуация, уровень материального благосостояния населения зачастую регламентировали возможность получения образования. В этой ситуации неоценимую помощь оказывали многочисленные негосударственные добровольные объединения. В регионе передовой общественностью, включающей представителей разных сословий, интеллигенцию, служащих и чиновников, создавались благотворительные, культурно-просветительские, научные, культурно-досуговые и другие социально ориентированные общества, комитеты и ассоциации. Прогрессивная общественность понимала те трудности, с которыми сталкивались общество и государство в решении вопросов получения образования, лечения, трудоустройства, социальной поддержки малоимущих и нуждающихся.

На рубеже XIX—XX веков в регионе представителями разных сословий и этнических групп, в том числе и сообществами мигрантов-европейцев, открывались благотворительные организации. Наглядным примером консолидации многоэтничного населения Северного Кавказа может служить успешно функционирующее Владикавказское благотворительное общество. В состав Правления общества входили: А. П. и М. Б. Свистуновы, Е. К. Грозмани, Н. Е. и А. Г. Джемарджидзе, Н. А. и М. А. Загю, Ф. А. Кригер, Е. А. и А. М. Смекаловы, В. Б. Фок, В. К. и Г. Х. Якобсон, Н. М. и Н. И. Витковские, С. К. Насвьтевич, А. А. Клопотовкая, С. И. и Н. И. Гросман, Е. П. Штейнгель, Ф. П. Вояковский, И. Г. Болтенков, А. Л. Бирюков, Н. А. Акимов, Н. А. Благовещенский, П. В. Бойчевский, А. К. Виберг, Б. О. Кригер, И. А. Ситов, И. Ф. Семенов, С. Д. Габаев, Н. Е. Чхеидзе [СНЧТВ, 1880, с. 247—248]. Помощь, независимо от национальности и сословия, оказывалась вдовам и сиротам умерших либо пропавших без вести солдат, унтер-офицеров, дворян, служащих; регулярная адресная поддержка предоставлялась студентам, немощным и пожилым.

Адресная поддержка обучающимся оказывалась в разных городах и поселениях Северного Кавказа. В городе Ставрополе Ставропольской губернии в 1903 году прихожанами-поляками было основано «Римско-като-

лическое общество пособия бедным», которое оказывало помощь нуждающимся «учащим и учившим» при местном костеле Римско-католической школы [ГАСК, д. 3451, л. 16].

По инициативе греческой общины в 1913 году возникло «Владикавказское Греческое Благотворительное Общество». Инициативной группой в лице владикавказского мещанина Аристотеля Панагиотовича Муратандова, жителя сел. Хасаута-Греческого Кубанской области Савелия Константиновича Дебижева, батумского мещанина Георгия Панагиотовича Димитриади и еще 12 человек было подано Прошение в администрацию Терской области. В качестве цели создаваемого общества было обозначено «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния и к поднятию уровня умственного развития бедных греков, постоянно или временно проживающих во Владикавказе, русского или иностранного подданства, без различия пола, возраста, звания и состояния» [ЦГА РСО-А, д. 261, л. 11]. Однако благое начинание было официальными структурами не поддержано, якобы ввиду ненадлежащего оформления Устава общества и упущения или недопущения конкретных пунктов, в том числе: «в № 4 указывается, что несовершеннолетние и учащиеся могут быть допущены в число членов общества, в тех случаях, когда это будет признано желательным в виду особых целей, для которых общество учреждается». Принимая во внимание, что законом (ст. 7 врем. прав.) несовершеннолетним и учащимся в низших и средних учебных заведениях воспрещено всякое участие в обществах, приведенное выше указание в № 4 устава о допустимости в общество несовершеннолетних и учащихся должно быть совершенно исключено» [ЦГА РСО-А, д. 261, л. 12].

4. «Общество по устройству народных чтений в городе Владикавказе и Терской области» как просветительский и интеграционный проект

Широкое распространение, помимо благотворительных обществ, получили культурно-просветительские объединения. Наиболее успешное и масштабное по охвату населения и районов стало «Общество по устройству народных чтений в городе Владикавказе и Терской области», основанное в 1899 году Общество ориентировалось в своей деятельности на «развитие религиозно-нравственных и патриотических чувств в народе, и также сообщение ему общеобразовательных и полезных сведений по всем отраслям знаний» [ЦГА РСО-А, д. 5, л. 7]. Активно используя всевозможные способы просвещения, Общество устраивало чтения прежде всего «1) по книжкам, изданным Постоянной комиссией по устройству народных чтений, утвержденной по Высочайшему повелению в С.-Петербурге;

2) по изданиям С.-Петербургского епархиального братства Пресвятой Богородицы; 3) а также по брошюрам, одобренным и допущенным для этой цели Министерством Народного Просвещения или Святейшим Синодом» [ЦГА РСО-А, д. 5, л. 9об.]. Членство в Обществе не ограничивалось численностью, могли вступать совершеннолетние «обоюго пола христианских исповеданий, за исключением учащихся в учебных заведениях, состоящих на действительной службе нижних воинских чинов и юнкеров, и лиц, ограниченных в правах по суду» [ЦГА РСО-А, д. 5, л. 7об.-8].

Востребованность и эффективная деятельность Общества подтверждается регулярными отчетами за определенный период, издаваемыми типографским способом. Наиболее полная картина представлена за период 1907—1909 годов в развернутом отчете Правления общества. К этому времени в официальный список членов Общества входил 81 чел., а охват районов, учреждений и «областных аудиторий» был значительным, постепенно расширяясь. Так, в 1907—1908 годах список мест, где состоялись просветительские мероприятия Общества, пополнился 52 «новыми аудиториями», в том числе в ст. Прохладной в двухклассном училище; в сл. Нальчик в горской школе и церковно-приходской школе; в гор. Георгиевске в резервном батальоне и гор. Училище; на хуторе Тамбовском; ст. Николаевской, Щедринской; Каргалинской, Нагурской, Дубовской, Александрийской, Карабулакской, Подгорной, Воронцово-Дашковской; Михайловской немецкой колонии; Ново-Кременчукском поселке; гор. Грозном и др. Всего «во Владикавказе 25 аудиторий и 54 по Терской области — в станицах, городах, селениях и слободах» [Отчет о деятельности..., 1909, с. 3—4].

Публичные лекции многие годы были для аудиторий бесплатными. Но «с первой половины 1907—1908 ак. года в зале Николаевского городского училища велись членами Об-ва и другими специально приглашенными Правлением лицами еще общеобразовательные лекции по литературе, истории, другим наукам и графическому искусству». Плата взималась как за одну лекцию — 10 коп., так и за курс одного лектора — 1 руб., за все курсы в полугодии — 3 руб. Разнообразие лекционной тематики, квалификация спикеров, большой интерес горожан был отмечен в отчете, так как «успех их превзошел все ожидания инициаторов», и за два с половиной месяца на них зарегистрировалось 10 680 слушателей [Отчет о деятельности..., 1909, с. 6]. Лектор Л. А. Калишев читал общий курс физики, В. В. Ермаков — русскую историю, Д. И. Ходалицкий — политическую экономию, В. А. Барт — анатомию и физиологию человека, Э. Т. Шанаев — гигиену, А. А. Микеладзе — государственное право, С. П. Казьмин — технологию производства. Пристальное внимание члены Общества уделяли популярно-

зации русской литературы и приобщению к русскому литературному языку. Были представлены, с последующим анализом, произведения Гоголя, Тургенева, Пушкина, Толстого, Гончарова, Островского, Лермонтова, Достоевского, Бальмонта и др. [Отчет о деятельности..., 1909, с. 6—7].

Направления деятельности Общества постепенно позволили сформировать в структурно-организационном плане шесть отделов: исторический, духовный, медицинский, естествоведческий, литературный, географический. Работа членов Общества не только давала серьезный результат в деле просвещения населения региона, но и имела консолидирующий и интеграционный характер, что было отмечено администрацией. Так, по итогам 1911—1912 годов было зафиксировано, что «1083 народных чтений, привлечших 138 566 слушателей, вновь возбудило перед министерством финансов ходатайство о выдаче ему субсидий от казны, по усмотрению Министерства, на развитие деятельности общества», и было принято решение о поддержке, а именно: «отпущено пособие в размере одной тысячи рублей на усиление средств общества по устройству народных чтений» [История Владикавказа..., 1991, с. 305].

Конечно, посредством деятельности благотворительных и культурно-образовательных обществ невозможно было решить все актуальные задачи, стоящие на повестке властей и общества. Но востребованность и значительная результативность таких объединений способствовали развитию региона и формированию прогрессивной социокультурной среды.

5. Заключение

Формирование городского социально-культурного ландшафта в северокавказском регионе шло без отрыва от общегосударственных процессов. Единая система административно-территориального управления способствовала организации жизни народов Северного Кавказа «на прочных государственных началах», развитию между областями и округами разносторонних связей, устранению экономической раздробленности и внутреннему сближению народов края [Туаева, 2013, с. 70]. Механизмы адаптации мигрантов, как и особенности включения горских народов в общеимперскую парадигму, были разными по уровню и успешности. Одним из таких механизмов «быстрого включения» был рост слоя национальной интеллигенции и формирование передовой общественности. Ключевую же роль в этих процессах играли русская культура и русский язык.

На рубеже XIX—XX веков в регионе широкое распространение получили негосударственные добровольные объединения различной направленности — этно-конфессиональные, благотворительные, научные,

просветительские, профессионально-корпоративные, художественные, спортивные и пр. Активное участие в их создании и деятельности принимали представители разных этнических и социальных групп, в том числе и общин переселенцев-европейцев. Как и многочисленные местные этнические группы, мигранты были задействованы практически во всех сферах общественно-экономической и социокультурной жизни региона. В привлеченных источниках зафиксированы имена учредителей и членов обществ. Однако немногочисленная городская интеллигенция не могла решить проблемы и обеспечить полноценную работу обществ. В областных и губернских городах даже поднимался вопрос об объединении обществ и ассоциаций в единую структуру с расширенной программой.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00239. / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00239.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСК — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3451; Ф. 101. Оп. 1. Д. 5255; ФР. 1161. Оп. 1. Д. 1246.
2. *История* Владикавказа (1781—1990) : сборник документов и материалов / сост. М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. — Владикавказ, 1991. — 1014 с.
3. *Немцы: 250 лет в России* / сост. Н. Ф. Бугай и др. — Москва : Гриф и К., 2012. — Том 2. Документальная история. — 456 с.
4. *Осетия* : историко-этнографический справочник. — Санкт-Петербург ; Владикавказ, 1998. — 517 с.
5. *Отчет* о деятельности Общества по устройству Народных чтений в городе Владикавказе и Терской области за 1907—1909 года. — Владикавказ : типография Шувалова З. И., 1909. — 25 с.
6. *Отчет* попечителя Кавказского учебного округа // На Кавказе. — 1910. — № 7-8. — С. 386—388.
7. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. — Санкт-Петербург, 1904. — Том 68. Терская область. — 262 с.
8. ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. — Санкт-Петербург, 1910. — Том 27.
9. СНЧТВ — *Статьи* неофициальной части Терских Ведомостей. — Владикавказ, 1880.
10. ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 199. Оп. 1 Д. 5; Ф. 12. Оп. 2. Д. 201; Ф. 199. Оп. 1 Д. 261.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белозеров В. С.* Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. — Москва : ОГИ, 2005. — 304 с.

2. *Город* в этнокультурном пространстве народов Кавказа : материалы X Конгресса этнографов и антропологов России / отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе и др. — Москва : ИЭА РАН, 2014. — 234 с.

3. *Заринов И. Ю.* Поляки в диаспоре: сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии / И. Ю. Заринов. — Москва : ИЭА РАН, 2010. — 268 с.

4. *Канукова З. В.* Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние / З. В. Канукова. — Владикавказ : СОИГСИ, 2009. — 236 с.

5. *Канукова З. В.* Старый Владикавказ: историко-этнологическое исследование / З. В. Канукова. — Владикавказ : Ирстон, 2002. — 316 с.

6. *Кищенко М. С.* Европейские диаспоры на территории Ярославской губернии в конце XIX — начале XX века / М. С. Кищенко. — Ярославль : ЯГПУ, 2011. — 246 с.

7. *Кобахидзе Е. И.* Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство «упрочения русской культуры и гражданственности» / Е. И. Кобахидзе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2016. — № 2. — С. 45—57.

8. *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 448 с.

9. *Русские* в Евразии XVII—XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в ино-этнической среде / отв. ред. В. В. Трепавлов. — Москва : Институт российской истории РАН, 2008. — 477 с.

10. *Самоорганизация* российской общественности в последней трети XVIII — начале XX вв. / отв. ред. А. С. Туманова. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 887 с.

11. *Туаева Б. В.* Город в урбанизационных процессах в России (XIX — начало XX вв.) / Б. В. Туаева // Известия СОИГСИ. — 2013. — № 10 (49). — С. 57—70.

12. *Урбанизация* в формировании социокультурного пространства / отв. ред. Э. В. Сайко. — Москва : Наука, 1999. — 284 с.

13. *Цориева И. Т.* Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII — XIX вв. / И. Т. Цориева. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2010. — 254 с.

14. *Шахбазов В. А.* Греки Владикавказа / В. А. Шахбазов. — Владикавказ, 2001. — 288 с.

15. *Haumann H.* Die russische Stadt in der Geschichte / H. Haumann // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. — 1979. — Bd. 27. — P. 481—487.

CULTURAL, EDUCATIONAL AND CHARITABLE ACTIVITIES OF IMMIGRANT COMMUNITIES IN NORTH CAUCASUS (SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURIES)¹

© **Berta V. Tuueva (2020)**, orcid.org/0000-0001-9745-7776, Doctor of History, professor, Department of Russian History, Federal State Budgetary Educational University of Higher

¹ **Acknowledgments:** The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00239.

Education North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz, Russia), ms.amaga@mail.ru.

© **Elena I. Kobakhidze (2020)**, orcid.org/0000-0002-0535-6263, Doctor of History, professor, Department of Theory and History of State and Law, Federal State Budgetary Educational University of Higher Education North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz, Russia), elena_k11@mail.ru.

The article is devoted to the formation of a multi-ethnic and multicultural environment of North Caucasian cities and settlements in the second half of the XIX — early XX centuries, where a significant place was given to ethnic communities of European migrants. On the example of the life of the German, Greek, and Polish communities, we consider the features of the development and support of educational, enlightenment, social, and cultural initiatives. The authors of the article revealed that all social initiatives and practices in the North Caucasus were correlated with reforms and sociocultural policies in the country as a whole, and also served as an example of the effectiveness of ongoing activities to involve the region in the all-Russian space. It is emphasized that through voluntary non-governmental associations the poor were supported, targeted assistance was provided to those in need. It is proved that educational projects, which contributed to the dissemination of scientific knowledge and familiarization with European and Russian culture, were particularly relevant in the diverse activities of societies (charitable, ethno-confessional, cultural, educational, artistic, scientific). It is concluded that it was the Russian language as the state-forming, communication and progressive factor in the development of society that acted as an integration and adaptive resource in the multi-ethnic and multi-confessional North Caucasus region.

Key words: North Caucasus; ethnic communities; voluntary non-state companies; charity; social charity; Russian language; integration resource; European migrants.

MATERIAL RESOURCES

- botoeva, M. D., Biryukova, L. D. (eds.). (1991). *Istoriya Vladikavkaza (1781—1990): sbornik dokumentov i materialov*. Vladikavkaz. (In Russ.).
- Bugay, N. F. et. al. (2012). *Nemtsy: 250 let v Rossii, 2. Dokumentalnaya istoriya*. Moskva: Grif I K. (In Russ.).
- GASK — *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya*. F. 101. Op. 1. D. 3451; F. 101. Op. 1. D. 5255; FR. 1161. Op. 1. D. 1246. (In Russ.).
- Osetiya: istoriko-etnograficheskiy spravochnik*. (1998). Sankt-Peterburg; Vladikavkaz. (In Russ.).
- Otchet o deyatelnosti Obshchestva po ustroystvu Narodnykh chteniy v gorode Vladikavkaze i Terskoy oblasti za 1907—1909 goda*. (1909). Vladikavkaz: tipografiya Shuvalova Z. I. (In Russ.).
- Otchet popechitel'ya Kavkazskogo uchebnogo okruga* (1910). *Na Kavkaze, 7-8*: 386—388. (In Russ.).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda, 68. Terskaya oblast'*. (1904). Sankt-Peterbur. (In Russ.).
- PSZRI — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3/27*. (1910). Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- SNChTV — *Stat'i neofitsialnoy chasti Terskikh Vedomostey*. (1880). Vladikavkaz,. (In Russ.).
- TsGA RSO — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya*. F. 199. Op. 1 D. 5; F. 12. Op. 2. D. 201; F. 199. Op. 1 D. 261. (In Russ.).

REFERENCES

- Anchabadze, Yu. D. et. al. (eds.). (2014). *Gorod v etnokulturnom prostranstve narodov Kavkaza: materialy X Kongressa etnografov i antropologov Rossii*. Moskva: IEA RAN. (In Russ.).
- Belozеров, V. S. (2005). *Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza*. Moskva: OGI. (In Russ.).
- Haumann, H. (1979). Die russische Stadt in der Geschichte. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*, 27: 481—487. (In Germ.).
- Kanukova, Z. V. (2002). *Staryy Vladikavkaz: istoriko-etnologicheskoye issledovaniye*. Vladikavkaz: Iriston. (In Russ.).
- Kanukova, Z. V. (2009). *Diaspory v Osetii: istoricheskiy opyt zhizneustroystva i sovremennoye sostoyaniye*. Vladikavkaz: SOIGSI. (In Russ.).
- Kishchenkov, M. S. (2011). *Evropeyskiye diaspory na territorii Yaroslavskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX veka*. Yaroslavl: YaGPU. (In Russ.).
- Kobakhidze, E. I. (2016). Pereselencheskaya politika Rossii na Severnom Kavkaze kak sredstvo «uprocheniya russkoy kultury i grazhdanstvennosti». *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2: 45—57. (In Russ.).
- Koshman, L. V. (2008). *Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: sotsialnyye i kulturnyye aspekty*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Sayko, E. V. (ed.). (1999). *Urbanizatsiya v formirovanii sotsiokulturnogo prostranstva*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Shakhbazov, V. A. (2001). *Greki Vladikavkaza*. Vladikavkaz. (In Russ.).
- Trepavlov, V. V. (ed.). (2008). *Russkiye v Evrazii XVII—XIX vv. Migratsii i sotsiokulturnaya adaptatsiya v inoetnicheskoy srede*. Moskva: Institut rossiyskoy istorii HFY. (In Russ.).
- Tsorieva, I. T. (2010). *Puti ispovedimyye... Iz istorii osnovaniya ravninnykh poseleniy na Kavkaze v kontse XVIII — XIX vv.* Vladikavkaz: IPO SOIGSI.
- Tuaeva, B. V. (2013). Gorod v urbanizatsionnykh protsessakh v Rossii (XIX — nachalo XX vv. *Izvestiya SOIGSI*, 10 (49): 57—70. (In Russ.).
- Tumanova, A. S. (2011). *Samoorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX vv.* Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Zarinov, I. Yu. (2010). *Polyaki v diaspore: sravnitel'naya kharakteristika etnicheskoy istorii polskikh diaspor v Rossii, USA i Brazii*. Moskva: IEA RAN. (In Russ.).